

Вдруг набрела на дерево принцесса,
Совсем сухое, наподобье мела.
Там самка сокола вверху сидела,
Лес оглашая жалобной мольбой,
И крыльями обоими с такой
В грудь била силою, что вновь и вновь
Бежала по стволу на землю кровь.
Терзая клювом собственное тело,
Она стонала громко то и дело,
И, право, прослезился бы над ней
Любой из кровожаднейших зверей,
Когда бы слезы лить он только мог.
Тот, кто в делах сокольничьих знаток,
Признаться должен был бы без сомненья,
Что стана лучшего и оперенья
У сокола не видел он доселе.
Породы иноземной, в самом деле,
Казалась птица эта. Каждый миг,
Пред тем как жалобный издать свой крик,
Она без чувств упасть была готова.
Канаке перстень рыцаря чужого,
Сверкавший ярко на ее руке,
Все делал ясным в птичьем языке.
Стал говор всякой птицы ей знаком,
И отвечать могла она на нем.
Услышав стоны бедной соколицы,
Она, готова плачем разразиться
От состраданья и в душе своей
Участье нежное питая к ней,
К стволу сухому быстро подошла
И на бедняжку взор свой возвела.
Потом подол подставила, чтоб птице
Кровоточащей насмерть не убиться,
Упав на землю. Так ждала она,
Невыразимой жалости полна,
И наконец решила обратиться
С такою речью к бедной соколице:
«Скажите, если можете сказать,
Что заставляет вас так зло страдать?
Смерть друга иль любовная кручина
Они одни – жестокая причина
Страшнейших наших горестей и бед,
Других причин, пожалуй что, и нет.
Вы столь безжалостны к себе самой,
Что, верно, ревность или страх лихой
Вас принуждают разъяряться так.
Я, право же, не вижу, кто вам враг.
Ах, вы к себе не будьте так жестоки!
Мне ни на западе, ни на востоке
Такого зверя встретить не дал рок,
Который был бы так к себе жесток.
Скажите мне, чем можно вам помочь?
Страданья ваши видеть мне невмочь,
В моей груди к вам жалости так много.
Скорей спуститесь наземь, ради бога,